

«ПАНТЮРКИСТСКИЙ КОРИДОР» И «МУСУЛЬМАНСКАЯ ДУГА»

Турция, зажата в «чертовом треугольнике» (Балканы — Ближний Восток — Россия), стремится выйти на новые мировые рубежи. Будучи евразийской страной, она ориентируется как на Европу, так и на Азию. Однако главным направлением нынешнего внешнеполитического курса Турции является ориентация на Европу, где ее привлекает перспектива интеграции в европейские структуры, в частности, вступления в Европейское экономическое сообщество («общий рынок») в качестве полноправного члена (ныне она ассоциированный член сообщества). Этой цели Турция подчиняет свою политику в Азии, активизируя при этом политику в Закавказье и Средней Азии, что вызвано возможностью заполнить вакуум, образовавшийся здесь в результате распада СССР. Турция ставит перед собой задачу: компенсировать, с одной стороны, свои неудачи со вступлением в ЕЭС, а с другой — выступить посредником в деле привлечения в эти регионы западного капитала (своих сил у нее явно не хватает), создать новые предпосылки для интегрирования в Европу.

Планы Турции совпадают с целями политики США. В своем противодействии распространению влияния иранского фундаментализма на Азербайджан и государства Средней Азии, США делают ставку на «секуляристскую» Турцию, пытаясь таким образом нейтрализовать или, во всяком случае, ослабить позиции Ирана.

Связи Турции с Азербайджаном и среднеазиатскими государствами поддерживаются в основном посредством воздушного сообщения. Понятно, что Турция хочет изыскать более действенные пути доступа в эти государства — железнодорожные, автомобильные и др.

Пути Турции на Восток проходят или через Иран, или через Армению. Магистральным путем, традиционно связывавшим Среднюю Азию с Передним Востоком, является участок, лежащий южнее Каспийского моря, т. е. «хорасанский коридор», по которому около девяти веков назад предки турок и азербайджанцев — различные племена тюрок-сельджуков, а в XIII в. татаро-монголы (в составе которых были крупные контингенты тюрок) вторглись в Иран, Армению и области Малой Азии. Другой путь был второстепенным, обходным. Он вел в Армению и Малую Азию через Северный Кавказ («же-

лезные ворота» близ нынешнего Дербента) и Восточное Закавказье.

По всему видно, что Турция, пользуясь, как ей представляется, благоприятной для нее обстановкой, намерена решать проблемы своих транспортных связей с Азербайджаном и Средней Азией в типично пантюркистском духе. Пренебрегая возможностями урегулирования этих проблем в соответствии с общепринятой международной практикой — заключение транзитных соглашений с Ираном и Арменией, — она с недавних пор воскресила свои планы создания «территориальных коридоров» через эти страны.

Как видно, Турция пускает «пробные шары», испытывая на прочность Иран и Армению. Пойти сейчас через Иран, требуя предоставления «коридора» через азербайджанонаселенные районы северных иранских провинций (известных под собирательным названием «Иранский Азербайджан»), она не осмеливается, так как это означало бы войну с ним. Поэтому турками в средствах массовой информации и на правительственном уровне заговорено давно вынашиваемый совместно с Азербайджаном «проект» проведения «коридора» через Нахичеван и Армению (Зангезур) в Азербайджан и далее паромом через Каспийское море в Среднюю Азию.

Факты показывают, что Турция стремится согласовать этот «проект» и получить «добро» на его осуществление со стороны Запада — США и высших кругов НАТО. Известно, что одним из авторов «проекта» (или его варианта) стал бывший сотрудник госдепартамента США и некогда советник нынешнего главы этого ведомства по национальным вопросам Пол Гобл, который, уйдя в отставку, занимает ответственную должность в фонде Карнеги. Авторы «проекта», который пахнет при всем этом также и нефтью, так как американцы собираются проложить по «коридору» нефтепровод со дна Каспийского моря в Турцию, не преминули воспользоваться конфликтом в Нагорном Карабахе, чтобы за счет «взаимных уступок» между Арменией и Азербайджаном попытаться передать последнему южную часть Зангезура — Мегринский район, через который проходит железная дорога, а завтра может пройти и нитка нефтепровода.

«Проект» этот неприемлем для Армении по всем его па-

раметрам. Достаточно отметить, что по своим пагубным последствиям он может стать роковым в нашей многовековой истории, так как несет в себе угрозу ликвидации последней территориально-транспортной артерии, соединяющей Армению с Ираном и иранским экономическим и культурным пространством. В этом отношении мегринский участок армяно-иранской границы имеет для Армении примерно такое же значение, как проливы Босфор и Дарданеллы для Турции и Панамский канал для США.

Политики типа Гобла, которые, надо полагать, способны вершить судьбы народов разве что по географической карте, вряд ли представляют себе всю степень опасности, в которую они вольно или невольно ввергают мир, потакая агрессивным устремлениям своих турецких союзников по НАТО. И дело здесь не столько в Армении — маленькой стране, интересы которой они готовы с легкостью проигнорировать, как это нередко делалось в прошлом. Вопрос этот выходит за локальные рамки, и его следует рассматривать в широком плане — региональном и глобальном.

Ведь к чему могло бы привести осуществление на практике этого «проекта»? Не только к ликвидации общей границы между Арменией и Ираном. Это привело бы к возникновению в обширном регионе от Ближнего и Среднего Востока до Западной и Центральной Азии качественно новой геополитической ситуации, в которой были бы задеты жизненные интересы не только Армении и Ирана, но и России, арабских государств, и даже таких, казалось бы, отдаленных от нас стран, как Индия и Китай.

В результате создания «пантюркистского коридора» Иран был бы отсечен от Закавказья, а Россия — утратила бы один из своих главных путей к южным морям — в зону Персидского залива. Она была бы отгорожена также и от арабских стран Ближнего Востока. Индия и Китай, обеспокоенные возможностью усиления влияния происламских режимов у своих границ, оказались бы перед угрозой превращения «пантюркистского коридора» в «мусульманскую дугу» готовую через Среднюю Азию перекинуться до Пакистана и Синцзян-Уйгурского автономного района.

Очевидно, что подобные акции Турции не могут не

вызвать ответной реакции со стороны России и Ирана — государств, непосредственно заинтересованных в делах Закавказья. Нет сомнения в том, что в ходе возможных консультаций и переговоров между российской и иранской сторонами будут рассмотрены и вопросы, связанные с «проектом» территориального обмена между Арменией и Азербайджаном. Одним из них, безусловно, станет вопрос о мегринском участке армяно-иранской границы, который фактически является ныне и границей между Россией и Ираном (если иметь в виду, что Азербайджан не входит в СНГ). Вопрос весьма существенный, так как отсутствие общей границы может поставить под угрозу само существование договоров между Россией и Ираном и служить основанием для их аннулирования.

Другой вопрос касается оценки идеи создания «пантюркистского коридора» как попытки посягательства на территориальную целостность других государств: России — в отношении Карабаха (по Гюлистанскому договору 1813 г. Карабахское ханство вошло в состав Российской империи на правах независимого армянского владения), и Ирана — в отношении Нахичеванской автономной республики (по Туркманчайскому договору 1828 г. Восточная Армения в составе Эриванского и Нахичеванского ханств отошла от Ирана к России). Во всяком случае, Иран, который не был приглашен в качестве участника в советско-турецких и закавказско-турецких переговорах о территориальных разграничениях в Закавказье, вправе потребовать от России изменения статей Московского и Карсского договоров 1921 г., касающихся статуса Нахичевана, чтобы упредить дальнейшие попытки турецкой стороны проявлять чрезмерную активность в зоне его интересов.

Вторгаясь в зону традиционных интересов России и Ирана, Турция недооценивает возможности этих государств и переоценивает свои возможности, уповаю на поддержку со стороны США и НАТО. Поступая таким образом, она все яростнее обнаруживает свою роль околоточного в регионе Ближнего и Среднего Востока и, в частности, в Закавказье.

Амаяк МАРТИРОСЯН,
кандидат исторических наук.